

Двустворчатые двери морга со скрипом распахнулись. В комнату, толкая перед собой уборочную тележку, вошёл мужчина с тяжёлой, шаркающей походкой. Следом, мигнув, вспыхнул тусклый настенный свет.

Пожилой временный рабочий в синем рабочем комбинезоне застыл на пороге, окинув холодным, мрачным взглядом просторы морга.

У западной стены выстроились три ряда холодильных шкафов, у восточной сиротливо примостился письменный стол. Свисавшая напротив бледно-фиолетовая портьера замерла, не шевелясь. В самом центре комнаты высилась каталка с телом, накрытым белой простыней. Больше здесь ничего не было.

Оставив тележку, старина Чэнь тяжело зашагал к каталке. Без лишних церемоний он грубо сбросил лежавшее там тело прямо на пол. Но стоило ему повернуться к холодильным шкафам, как движения его разительным образом изменились — стали плавными, почти нежными. Он осторожно потянул на себя дверцу одной из ячеек, и оттуда мгновенно хлынули клубы ледяного пара.

Внутри покоилось зачехлённое тело юной девушки. Её глаза были широко распахнуты, рот полуоткрыт, а изъеденная гнилью кожа натянулась на черепе так сильно, что сквозь неё отчётливо проступали кости.

Взгляд старины Чэня смягчился. Он замер перед ячейкой, залюбовавшись зрелищем с болезненным восторгом. Поглощённый созерцанием, он не заметил, как из щели соседней дверцы, всего в паре шагов от него, тонкими струйками поплыл морозный пар.

Гу Мэн, скорчившись на боку внутри холодного металлического гроба, старался дышать как можно тише. Сквозь крошечную щёлку приоткрытой дверцы он напряжённо следил за происходящим. Хотя стальная рама урезала обзор до узкой полосы, этого вполне хватало, чтобы видеть действия временного рабочего.

Старина Чэнь бережно извлёк тело девушки и понёс его к стоявшей посреди морга каталке.

По мере того как шаги удалялись, бешено колотящееся сердце Гу Мэна постепенно унялось. Оцепенение спало, и он наконец смог расслабить затекшие мышцы.

— Холодно? — тихо, у самого уха, спросил его низкий мужской голос.

Едва напряжение спало, Гу Мэн в полной мере осознал, в каких условиях они оказались. В тесной железной коробке всюду циркулировал ледяной воздух, отчего горячее тело за его спиной казалось спасительным островком тепла.

Он тихонько втянул сквозь зубы морозный воздух и вжал голову в плечи.

— Холодно, — так же тихо сознался он.

Впрочем, тело выдавало его с потрохами без всяких слов.

Эньцзинь заворожённо разглядывал его покрасневшее от стужи ухо и бледную, словно холодный нефрит, шею. Протянув руку, он обнял Гу Мэна за талию и мягко притянул к себе. Тот мгновенно одеревенел — и это секундное замешательство ощущалось предельно отчётливо.

Гу Мэн растерянно замер, боясь даже выдохнуть.

Он прекрасно понимал, что Эньцзинь просто пытается его согреть, но толку от этого телодвижения было мало. Скорее наоборот: из-за столь интимной позы в тесной железной утробе повисла густая, почти осязаемая неловкость.

Впрочем, не исключено, что сгорал от смущения один лишь Гу Мэн.

Снаружи донёсся тихий, шуршащий звук. Гу Мэн встрепенулся и поспешил прильнуть к щели в дверце.

Старина Чэнь уложил покойную на каталку, а затем запустил обе руки в принесённый с собой чёрный пластиковый пакет и бережно, словно величайшую драгоценность, извлёк оттуда некий предмет.

С его ракурса разглядеть детали было трудно. Гу Мэн сощурился и подался чуть вперёд, едва ли не касаясь носом холодного металла. Но стоило ему разобрать, что именно держит в руках старик, как его глаза расширились от ужаса.

Сердце.

В руках старика покоилось сочащееся свежей кровью человеческое сердце.

Словно заворожённый, старик поднял его повыше, любуясь им с безумным благоговением. С его мозолистых, огрубевших ладоней на кафельный пол с тихим стуком шлёпали тяжёлые багровые капли.

Он перевёл безумный взгляд на изувеченную покойницу. Его голос, хриплый и надорванный, походил на скрежет ржавого железа о песок:

— Сия... Папочка нашёл тебе новое сердечко. Оно здоровое, сильное... Когда я забирал его, оно ещё билось. В этот раз всё обязательно получится, Сия. Моя девочка...

Ошарашенный увиденным, Гу Мэн медленно отшатнулся от щели. Картинка застыла перед его мысленным взором, запуская лихорадочный мыслительный процесс.

Тан Чжи рассказывал, что утренним дежурством видел этого старика на четвёртом этаже — как раз незадолго до того, как обнаружили тело Хуан Минь. Пазл складывался с пугающей точностью: Гу Мэн был на девяносто процентов уверен, что трепещущий кусок плоти принадлежал именно погибшей женщине. Но как старик заполучил его? Вырезал у ещё живой Хуан Минь, когда напал на неё в 401-й палате, или хладнокровно вскрыл труп сразу после её смерти?

От подобных мыслей у него внутри всё сковало первобытным ужасом, и по спине пробежала крупная дрожь.

— Всё ещё мёрзнешь? — снова подал голос Эньцзинь.

Гу Мэн машинально кивнул. Его действительно знобило — ледяной холод залез глубоко под кожу, а осознание того, что за стеной ящика стоит безжалостный убийца, лишь усугубляло панику.

Гу Мэн упустил момент, когда горячее, влажное прикосновение обожгло его шею. Эньцзинь нежно прижался губами к его яремной впадине, медленно, дразняще очерчивая контур кожи языком. От этого интимного жеста по телу Гу Мэна мгновенно разлилась горячая волна, вытесняя въевшуюся прохладу.

От столь неожиданной ласки у Гу Мэна перехватило дыхание, а в голове зашумело. Тихий, сдавленный стон едва не сорвался с его губ — он успел вовремя зажать рот ладонью. Глаза предательски затуманились влагой, а тёмные, пушистые, точно вороны перья, ресницы испуганно затрепетали.

В этот момент ему больше всего на свете хотелось размозжить Эньцзиню его наглухую, бестолковую башку!

К счастью, старик снаружи был слишком увлечён своим безумным монологом, чтобы обратить внимание на возню в угловом шкафу.

— Сия, как ты себя чувствуешь? Тебе нравится твоё новое сердечко? Сия? Ты слышишь папу?

Старик бережно опустил сердце в зияющий провал грудной клетки мертвеца и опустился перед каталкой на колени. Затаив дыхание, он принялся ждать. Его мозолистая ладонь ласково погладила лоб и редкие пряди волос покойной. Несколько подгнивших волосков остались на

его пальцах, и он с тихим вздохом отдернул руку.

Внутри ячейки по-прежнему клубился морозный пар, но Гу Мэна душил необъяснимый, яростный жар. Лицо его полыхало от смущения и злости.

Он стиснул зубы так, что на щеках проступили желваки, и выдохнул едва различимым шёпотом:

— Эньцзинь! Хватит! Прекрати немедленно!

Эньцзинь отстранился лишь после того, как изучил губами едва ли не каждый миллиметр его шеи. На его лице не отразилось и тени раскаяния, а голос прозвучал чисто и невинно, словно весенняя капель:

— Будь ты крошечным, я бы просто спрятал тебя во рту. Но ты такой большой... Приходится согреть тебя по кусочкам. Зато теперь тебе тепло.

Гу Мэн ошарашенно моргнул. Весь его гнев и смущение мгновенно улетучились, уступив место полнейшему ступору. Он не нашёл, что ответить, внезапно осознав, что, возможно, истолковал действия этого чудака превратно.

— Ну... спасибо, что ли, — неловко пробормотал он.

Надо ртом, а он-то решил, что этот тип банально распускает руки! Оказалось, тот искренне заботился о его здоровье. На душе даже стало как-то непривычно тепло.

Идеальный, заботливый «сыночек», ничего не скажешь.

— Пожалуйста, — с неизменным благодушием отозвался Эньцзинь, совершенно не подозревая, какую забавную роль ему отвели в чужой голове.

Вдруг из темноты морга донёсся истошный, полный отчаяния и ярости вопль. Звук эхом отразился от голых стен. Гу Мэн тут же прильнул обратно к смотровой щели.

— Почему?! Почему опять ничего не выходит?! Где я ошибся?! — Старик, прежде казавшийся тихим и простоватым, теперь метался по комнате, круша всё на своём пути и заходясь в безумном крике перед безжизненным телом. Его глаза налились кровью. — Почему ты не просыпаешься?! Я ведь сам, своими глазами видел, как он это делал! Всё должно работать, должно!

Гу Мэн нахмурился. Старик окончательно лишился рассудка. Он убивал людей, вырезал их сердца и запихивал в грудь мертвой дочери, надеясь воскресить её. Но мёртвые не

возвращаются.

Однако зацепила другая деталь. Старик обмолвился, что «видел, как *он* это делал». Кто же этот загадочный третий?

Гу Мэн мысленно сделал себе важную пометку.

Выплеснув ярость, безумец обессиленно рухнул перед каталкой. Он зарыдал, жалобно и надрывно повторяя имя дочери. Его дрожащие пальцы продолжали гладить её по щеке с такой силой, что лоскуты подгнившей кожи начали отваливаться от костей.

Гу Мэн тихо вздохнул и отвёл глаза — созерцать это безумие больше не было сил.

Вскоре рыдания утихли. Старик поднялся с колен с абсолютно пустым, отрешённым лицом. Он аккуратно поднял тело дочери, вернул его в холодную ячейку и задвинул тяжёлую дверь.

Щелкнул выключатель, и морг погрузился в глухую тьму. Послышался скрип колёс уборочной тележки и шаркающие шаги, которые вскоре затихли в глубине коридора.

Прошло около минуты, прежде чем тишину нарушил резкий металлический скрежет. Дверца ячейки распахнулась, и наружу, шумно выдыхая облака пара, выбрался посиневший от холода Гу Мэн. Оказавшись на ногах, он принялся мелко прыгать на месте, пытаясь разогнать застывшую кровь.

— Ну и дубак! — стуча зубами, выдавил он. — Уходим отсюда. Мечтаю только о горячей ванне.

— В кабинет влажных препаратов больше не пойдём? — уточнил Эньцзинь.

Гу Мэн ненадолго задумался, сопоставляя факты.

— Чэн Цзяоцзяо первая заметила подмену, — поделился он соображениями. — Она раньше занималась продажей цветных линз, так что глаз у неё намётанный. По её словам, радужка того яблока в ванне была чуть светлее и с другим рисунком, нежели у Хуан Минь. Она решила, что его могли стащить из кабинета анатомических препаратов. Я и сам хотел это проверить, но сейчас передумал. Какая разница, откуда взялся этот протез? Важнее понять, зачем убийце вообще понадобилось менять жертве глаза.

Эньцзинь скользнул взглядом по брошенному на пол труп.

— И какие у тебя догадки?

— Пересадка органов, — озвучил свою мысль Гу Мэн. — Прямо как у этого безумного уборщика, который пытается впихнуть чужое сердце в грудь дочери. Смерть Хуан Минь наверняка как-то связана с глазами.

Посоветовавшись, они решили отложить вылазку в препараторскую и двинулись обратно в палату.

У самого выхода Гу Мэн внезапно замер и с сомнением покосился на спутника.

— Эньцзинь, скажи честно... тебе не страшно?

Тот ответил абсолютно ровным, лишённым всяких эмоций голосом:

— Ни капли.

— Отлично, тогда ты идёшь первым, — без лишних церемоний Гу Мэн сделал широкий шаг назад, пропуская его вперёд.

Эньцзинь лишь молча окинул его выразительным взглядом, после чего крепко сжал его ладонь в своей и увлёк за собой в тёмный коридор.

Ближе к полуночи за окном вновь монотонно зашуршал мелкий дождь.

По мрачному коридору четвёртого этажа бесшумно скользнула маленькая фигурка в ярко-красной одежде. Ребёнок остановился перед одной из палат и дважды тихо, почти невесомо, постучал в дверь.

Створка бесшумно приоткрылась. Мальчик поднял взгляд, уставившись на хозяина комнаты огромными круглыми глазами, и молча перевернул страницу своего блокнота для набросков.

"Пошёл дождь"

"Мне страшно одному"

"Вы поспите со мной?"

Из приоткрытого окна в комнату влетал прохладный влажный воздух, а редкие капли дождя медленно пропитывали бледно-фиолетовую ткань занавески.

Ровно в десять часов утра следующего дня тишину здания взорвал хриплый гул динамиков.

Механический женский голос разнёсся по всем этажам и коридорам:

— Внимание! Внимание! Просим дежурных врачей: Чэн Цзяоцзяо, Эньцзиня, Тан Чжи, Сюй Цзяи и Чжао Хайжуна срочно пройти в кабинет хирургического приема на втором этаже. Пациент прибыл в зону ожидания.

— Внимание! Внимание! Просим дежурных врачей: Чэн Цзяоцзяо, Эньцзиня, Тан Чжи, Сюй Цзяи и Чжао Хайжуна срочно пройти в кабинет хирургического приема на втором этаже. Пациент прибыл в зону ожидания.

Бо Е, находившийся в этот момент на первом этаже, оторвал взгляд от бумаг и прислушался.

— Слава богу, сегодня не моя смена, — с облегчением выдохнул он.

Спустя двадцать минут все десять выживших собрались в первой приемной. Лица у всех были мрачнее тучи.

Загадочный пациент уже ожидал внутри. Он сидел спиной к двери, согбенный и хрупкий, а его костлявая ладонь сжимала набалдашник массивной трости.

Сюй Цзяи, которой сегодня выпало дежурить, в панике зашептала:

— Опять?! Каждый божий день одно и то же! Они издеваются?!

— Чему быть, того не миновать, — Чэн Цзяоцзяо глубоко вздохнула, пытаясь совладать с дрожью в голосе. — Доктор Бо вчера всё нам подробно разжевал. Паниковать бессмысленно, лучше соберитесь с духом.

Чжао Хайжун забился в самый дальний угол. Натянув защитную маску до самых глаз, он сидел неподвижно, уставившись в пол и совершенно не реагируя на происходящее вокруг.

Гу Мэн сразу почуял неладное. Такое отрешённое поведение слишком сильно напоминало вчерашнее состояние Хуан Минь перед её гибелью.

Стараясь не привлекать внимания, он пересел поближе. Сквозь плотную ткань маски Чжао Хайжуна доносилось невнятное, глухое бормотание.

Гу Мэн придвинулся ещё ближе, буквально на расстояние вытянутой руки, и наконец смог разобрать слова.

— Не моё... Это не моё... Не может быть моим... Точно не моё... — лихорадочно шептал тот.

Гу Мэн нахмурился. Этот безумный шёпот показался ему смутно знакомым. Где же он слышал нечто подобное?

В этот момент на пороге с сияющей, неуместно праздничной улыбкой появилась старшая медсестра Юй Чуньцзяо.

— Время десять часов тридцать две минуты! — зычно объявила она. — Второму дежурному, доктору Энью, приготовиться к приёму! Прошу в кабинет.

У Гу Мэна внутри всё оборвалось. Он резко вскочил с места, чувствуя, как пульс мгновенно взлетел до предела.

Сам же виновник его паники шёл к двери с абсолютно скучающим видом, словно направлялся на обычную прогулку.

— Эньцзинь! — не сдержавшись, довольно громко окликнул его Гу Мэн. Он подлетел к мужчине, оттащил его в сторону и зачастил, от волнения путаясь в словах: — Слушай меня внимательно. Главное — не паникуй. Не бойся. Как зайдёшь, не спеши касаться пациента, потяни время, настройся. Повторяй про себя своё имя: ты — Эньцзинь. Понял? Когда начнётся галлюцинация, ни в коем случае не забывай, кто ты. Постоянно вбивай себе в голову: всё вокруг — фальшивка, иллюзия! Слышишь? Тебе придётся справляться с этим в одиночку... Ты справишься? — Он поднял глаза, и в их глубине плескалась искренняя, щемящая тревога.

Эньцзинь молча разглядывал его взволнованное лицо. На губах мужчины появилась едва заметная, мягкая улыбка.

— Гу Мэн, не бойся, — тихо произнёс он.

Слегка похлопав опешившего парня по щеке, он развернулся и решительно переступил порог кабинета.

Дверь за ним закрылась. Эньцзинь неторопливо уселся на стул напротив старика и молча уставился на него в упор.

Белобородый пациент, явно любящий драматические эффекты, нутужно закашлялся и надтреснутым голосом затянул:

— Ох, доктор... С каждым божьим днём здоровье моё тает, силы уходят...

— Ближе к делу, — бесцеремонно оборвал его Эньцзинь и сделал характерное движение рукой в воздухе, словно пролистывал скучный слайд презентации.

Пациент одарил его крайне раздражённым взглядом. Решив не тратить красноречие понапрасну, он молча закатал широкий рукав своего шёлкового халата в традиционном стиле, обнажив иссушенное, обтянутое пергаментной кожей запястье, и водрузил его на стол.

Эньцзинь не заставил себя ждать и сразу накрыл его руку своими пальцами.

Когда он вновь вскинул взор, на губах старика уже играла торжествующая, зловещая усмешка.

Эньцзинь замер, обратившись в безжизненное каменное изваяние. Старик, глумливо скалясь, помахал сухой ладонью перед его лицом. Убедившись, что парень даже не моргает, он заулыбался ещё шире.

— И это всё? — внезапно поинтересовался Эньцзинь.

Улыбка на лице старика мгновенно окаменела. Он ошарашенно перевёл взгляд со своего запястья на лицо доктора, словно не веря собственным глазам, а затем растерянно пробормотал:

— Доктор... Да как же так? У вас... у вас совсем нет прошлого?!

Эньцзинь лишь лениво моргнул. Вид у него был такой, словно ему смертельно скучно.

Тем временем в приёмной Гу Мэн места себе не находил. С той самой секунды, как за Эньцзинем захлопнулась дверь, он непрерывно мерил коридор неровными, нервными шагами.

Тан Чжи, прекрасно понимая его чувства, попытался его успокоить:

— Учитель Гу, вашими метаниями делу не поможешь. Присядьте, давайте просто подождём.

Бо Е задумчиво сощурился на закрытую дверь кабинета, после чего негромко обратился к Тан Чжи:

— Слушай, а ведь правда... Если человек полностью лишился памяти, что вообще творится у него в голове?

Тан Чжи недоуменно повернулся к нему:

— К чему ты клонишь?

— Ну сам подумай, — Бо Е с интересом наклонил голову набок. — Если в чьём-то разуме царит идеальная, первозданная пустота, из какого материала системе лепить кошмары?

Тан Чжи на секунду опешил, осознав всю глубину этого предположения.

Не успели они развить мысль, как замок щелкнул. Дверь кабинета распахнулась, и наружу выкатился белобородый старик. Напрочь позабыв о своей хромоте, он на удивление резво припустил к выходу. Спина его прямо-таки излучала крайнюю степень недоумения и ярости.

Следом за ним, как ни в чём не бывало, неторопливо вышел Эньцзинь, небрежно крутя в пальцах заветный конверт.

Все застыли с разинутыми ртами.

— Что... уже?! — выдохнула ошарашенная Цай Сяоци. — Прошла хоть минута?

Чэнь Цзяхао быстро глянул на настенные часы.

— Тридцать четыре секунды! Он пробыл там всего тридцать четыре секунды!

Гу Мэн стоял словно громом поражённый. В этот момент он со всей отчётливостью понял, что все его недавние страхи и трепетные напутствия были верхом глупости.

Бо Е, кажется, ничуть не удивился. Он откинулся на спинку стула и весело покачал головой:

— Да уж... Этот парень — ходячая системная ошибка. Настоящий баг этой игры.

Эньцзинь молча протянул добычу Гу Мэну.

Гу Мэн неловко кашлянул в кулак, пытаясь скрыть заливавшую щеки краску. Боже, каким же идиотом он сейчас выглядел! Перепугался до смерти, читал нотации... Просто клинический дурак!

Он поспешно вскрыл конверт и вытащил плотную бумажную карточку молочно-белого цвета.

Тан Чжи, терпеливо дождавшись, пока они пробегут глазами текст, поинтересовался:

— Ну, что там?

Гу Мэн лишь молча, с озадаченным видом протянул ему листок.

На карточке изящным каллиграфическим почерком были выведены четыре строки:

"And the silken sad uncertain rustling of each purple curtain"

"Thrilled me — filled me with fantastic terrors never felt before:-("

* «И шёлковый, печальный, неверный шорох каждой пурпурной портьеры»*

* «Дрожью наполнял меня — и ужасом, какого я не знал доселе.:-(»*

После обеда Гу Мэн вернулся к себе в палату на четвёртом этаже. Устроившись на кровати и откинувшись на подушки, он задумчиво вертел в руках загадочное послание.

За стеклом монотонно сеял унылый дождь. Капли тихо выстукивали дробь по жестяному отливу, а бледно-голубые занавески лениво покачивались от сквозняка, то прижимаясь к белёной стене, то отлетая в сторону.

Резкий порыв ветра, ворвавшийся сквозь щель, принёс с собой сырую промозглую прохладу. Гу Мэн зябко поджал ноги под одеяло и окликнул соседа:

— Эньцзинь, прикрой окно, пожалуйста.

Хотя его кровать стояла ближе к окну, вставать с тёплого места было чертовски лень.

Эньцзинь молча поднялся и послушно задвинул раму.

Гу Мэн задумчиво почесал подбородок краем карточки.

— Послушай, ты когда-нибудь видел в этой лечебнице фиолетовые шторы?

Эньцзинь развернулся и, прислонившись спиной к подоконнику, ответил:

— Да на каждом шагу.

— Например? — оживился Гу Мэн.

Сам он никогда не обращал внимания на подобные мелочи. Ну кому в здравом уме придёт идея инспектировать больничные занавески? В его памяти отпечатались лишь общий блёклый, розовато-голубой фон этих стен.

Эньцзинь принялся спокойно перечислять, загибая пальцы:

— В морге, в приёмном покое на первом этаже, в процедурном кабинете на втором, в операционной на третьем. Ну и в некоторых палатах на четвёртом...

— Стой-стой, палаты на четвёртом? — перебил его Гу Мэн. — Но ведь в палатах они голубые.

С этими словами он выразительно указал на ткань рядом с собой.

Эньцзинь мазнул взглядом по окну и покачал головой:

— В других комнатах иначе. В той же 401-й...

Договорить он не успел. Из коридора донёсся истошный, леденящий душу вопль, заставивший обоих вздрогнуть:

— Сюда! Срочно сюда! Доктор Чжао сошёл с ума! Спасите!!!

Чжао Хайжун!

Это имя мгновенно вспыхнуло в сознании Гу Мэна тревожным набатом. Почувяв неладное, он мгновенно сорвался с кровати и рванул на себя дверь палаты.

Из дверей 408-й палаты, что располагалась наискосок от них, буквально вывалился медбрат Сяо Лян. Лицо его побелело от ужаса, ноги подкашивались, и он едва удержал равновесие. Заметив сбегающих на крик игроков, парень закричал во всю глотку:

— Он... он отпилил себе пол-лица! Мать твою! Прямо там, в ванной!

Из соседней палаты показался Бо Е. На ходу накидывая на плечи белый халат, он мрачно нахмурился:

— Ещё один случай самоистязания?

Всё в точности как вчера с Хуан Минь, которая хладнокровно вырезала собственные глазные яблоки.

Игроки толпой хлынули в палату 408. Чжао Хайжун был мёртв — без всяких сомнений. Его тело лежало на полу рядом с наполненной до краёв ванной. Глаза покойного были широко раскрыты, а нижняя челюсть и губы полностью отсутствовали. На месте половины лица зияло жуткое, сочащееся кровью месиво.

Сяо Лян, захлёбываясь слезами и путаясь в словах, пытался восстановить хронологию событий.

Молодой медбрат, впервые столкнувшийся с подобным кошмаром, находился на грани истерики.

В дверном проёме сгрудились испуганные женщины. Бледные, зажимая рты ладонями от подступающей тошноты, они, ведомые болезненным любопытством, тем не менее не спешили расходиться.

Гу Мэн стоял у них за спинами. На мертвеца он больше не смотрел — вместо этого его взгляд медленно скользил по убранству ванной комнаты. Внезапно его внимание привлекла занавеска на окне.

Нежно-пурпурная, с едва заметным розоватым отливом.

<http://bllate.org/book/19652/1996917>